

Русские миры Владимира Ашкенази

Концерт Лондонского филармонического оркестра

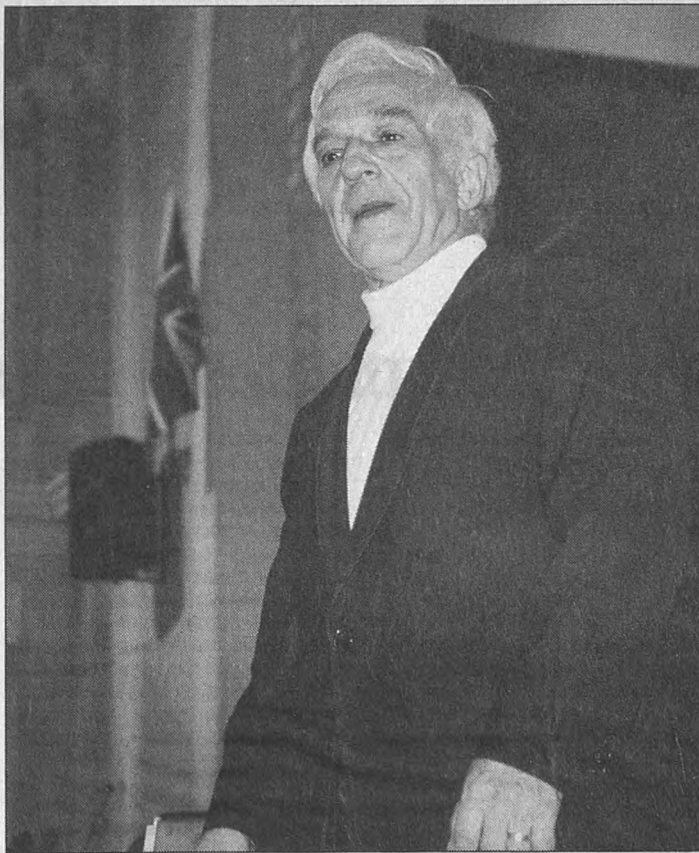
В плеяде вынужденных российских эмигрантов Владимир Ашкенази занимает особое место. В Советском Союзе его никогда не клеймили позором, как изменника, и хотя официально имя Ашкенази старались не упоминать, оно тем не менее всегда оставалось неотъемлемой частью русской музыкальной культуры и одновременно одной из самых трагичных и ясно осознаваемых ее потерь. Парадоксально, что приезд в 1989 году в Россию этого музыканта, принципиально дистанцирующего себя от всякой политики, был воспринят прежде всего как политическая акция — его тогдашнее появление в одной из самых ярких перестроечных программ "До и после полуночи" вместе с пианистом Андреем Гавриловым запомнилось едва ли не больше, чем его концертное выступление.

Во многих своих интервью выдающийся музыкант называет себя "модифицированным русским", тем самым, быть может, подчеркивая происхождение духовного вектора собственного творчества. Раскрытие, разъяснение духовной природы русской культуры, по-видимому, является для него сейчас очень важной целью — в следующем году к 50-летию со дня смерти Прокофьева и Сталина Владимир Ашкенази планирует провести в Лондоне, Нью-Йорке, Кельне и

Праге цикл концертов, объединенных темой "Противостояние искусства и диктатуры в СССР".

В его манере общения с людьми — будь то коллеги музыканты, журналисты или просто слушатели — поражают особая вдумчивая внимательность, стремление быть максимально правдивым и искренним. В работе с оркестром на репетиции он удивительным образом совмещает предельную концентрацию с атмосферой абсолютной свободы, создавая тем самым для музыкантов максимально комфортную творческую среду. Быть может, именно это объясняет феномен фантастического по красоте звука Лондонского филармонического оркестра — обволакивающего и всепроникающего, как воздух, неуловимо струящегося, как солнечный свет.

В Россию оркестр привез программу хоть и не экстраординарную, но все же по-своему оригинальную и ненарочито изысканную — просветленно-грустную и некогда столь любимый Святославом Рихтером Двадцатый фортепианный концерт Моцарта, симфоническую балладу "Воевода" Чайковского и Вторую симфонию Сибелиуса. Самым большим открытием, против ожидания, стал не Моцарт, в котором Владимир Ашкенази выступил сразу в двух ипостасях — и дирижера, и

В.Ашкенази

солиста, а, как ни странно, Чайковский. Сняв слой привычной меланхолической сентиментальности, дирижер заставил нас слышать в этой музыке бездонность настоящей русской печали и подлинную трагедийность одиночества, превратив непритязательную литературную программу симфонической баллады в философскую притчу о русском характере. Моцарт получился прозрачным и созерцательно отстраненным. Тщательно же срежиссированной кульминацией программы стала ре-мажорная симфония Сибелиуса. Ее монументальная и несколько громоздкая партитура в исполнении Лондонского филармонического оркестра разворачивалась сиятельно и неспешно, гипнотизировала совершенством тембровых красот, завораживала парящими кульминациями, затягивала в круговорот тематических и жанровых перевоплощений. Ее музыкальный мир, в котором с такой легкостью уживалась деревенская грубоватость с какой-то вагнеровско-брукнеровской гипертрофированной возвышенностью, был удивительно близким и понятным, насколько может быть понятна неуловимая общность языка всех тех, кто проведует истинное.

Ольга ФИЛИППОВА

Кувейт. - 2002. - 31 окт. - 5 нояб. - 1.10